

реализмъ такъ выгодно и отличается отъ французскаго натурализма. Послѣдній отнимаетъ у человѣческой жизни цѣлую сторону ея содержанія, но бываютъ направленія, сообщающія этой жизни болѣе, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ представляетъ: это будетъ уже *идеализация*, т.-е. воспроизведеніе дѣйствительности не такъ, какъ она есть, а извѣстнымъ образомъ прикрашенное, съ нѣкоторой подмалевкой, приближающей представленія о томъ, что есть, къ идеальнымъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ образамъ. Поэтическая идеализация ведетъ свое начало изъ временъ мифологіи, въ которой впервые извѣстные идеалы воплотились въ образахъ боговъ, полубоговъ, героевъ, богатырей и вообще существъ, одаренныхъ нечеловѣческими свойствами по части физической силы, совершенствъ всякаго рода и нравственнаго величія, какихъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Закваска идеализаціи присуща обоимъ главнымъ направленіямъ европейской литературы, классическому и романтическому, какъ въ ихъ изначальной формѣ въ древности и въ средніе вѣка, такъ и въ ихъ новой формѣ псевдоклассицизма и нео-романтизма съ ихъ условными правилами, — и современный нѣмецкій романъ, въ сравненіи съ русскимъ, все еще носитъ слѣды идеализирующей подмалевки дѣйствительности. Исторіографія, особенно популярная, въ этомъ отношеніи всегда подчинялась господствующимъ литературнымъ вкусамъ: и въ ней можетъ быть обнаруженъ своего рода классическій стиль или своего рода романтическая манера идеализаціи историческихъ лицъ и событій. Трезвое отношеніе къ явленіямъ прошлаго, безъ попытокъ ставить ихъ на классическій пьедесталъ героизма или окружать романтическимъ ореоломъ совершенства, и есть реализмъ въ исторіографіи. Новая русская литература развивалась подт